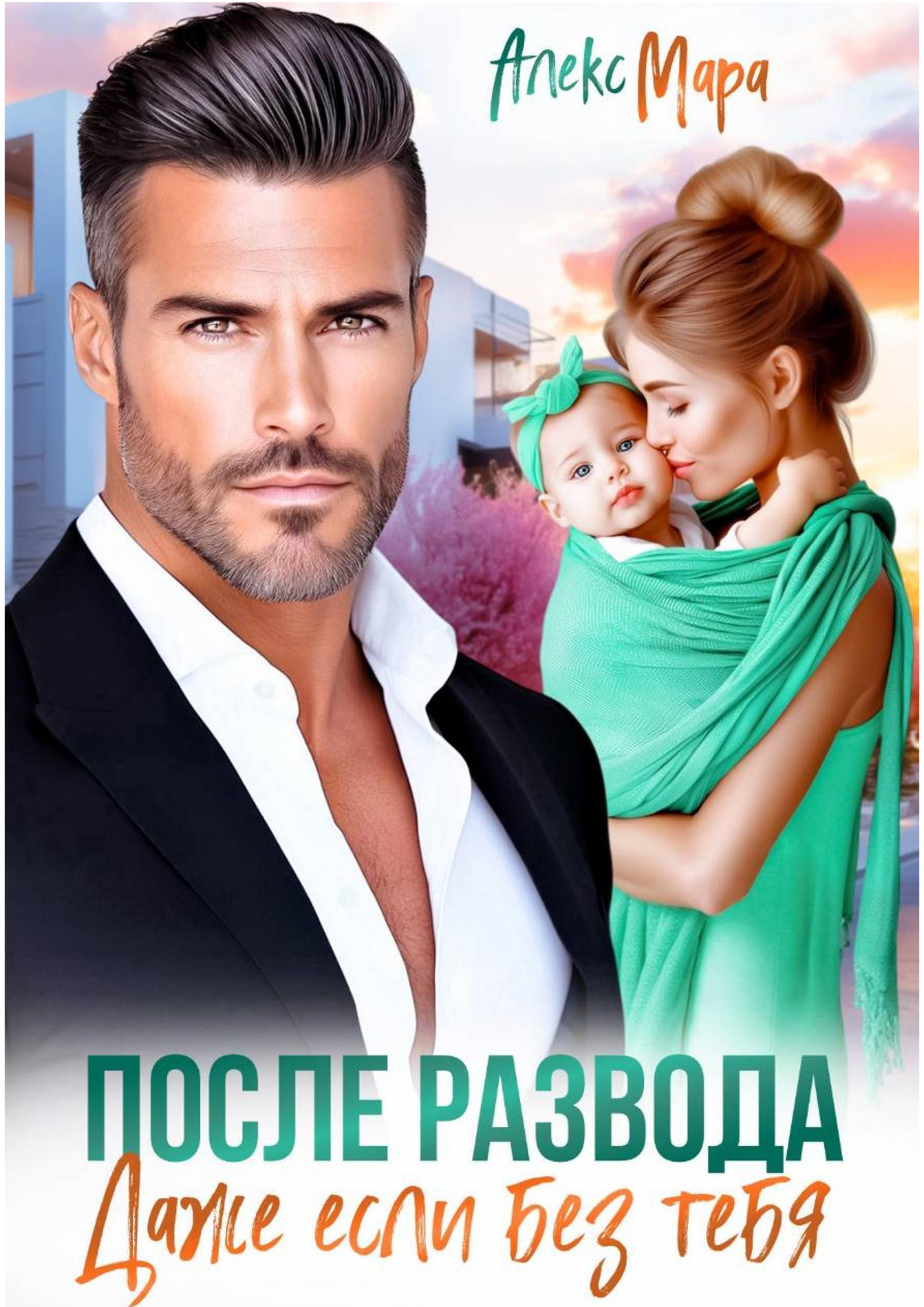

Алекс Мара

ПОСЛЕ РАЗВОДА
Даже если без тебя

Алекс Мара

После развода. Даже если без тебя

«Автор»

2026

Мара А.

После развода. Даже если без тебя / А. Мара — «Автор», 2026

Ире двадцать лет, а тебе сорок пять! Ты сошёл с ума?! Муж холодно смотрит на меня. Истерика тебе не к лицу. Ты изменял мне прямо в нашей квартире Можешь оставить её себе, я подписал бумаги. Усмехается. Даже не пытается оправдаться. Уходит, хлопнув дверью. Я тоже ухожу. Беременная. Муж не узнает о ребёнке. Даже если найдёт меня, даже если снова вторгнется в мою жизнь. Я смогу защитить свою дочь от человека, который предал нас обоих.

Содержание

1	6
2	8
3	10
4	12
5	14
6	16
7	18
8	20
9	22
10	24
11	27
12	30
13	32
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Алекс Мара

После развода. Даже если без тебя

– Ире двадцать лет, а тебе сорок пять! Ты сошёл с ума?!

Муж холодно смотрит на меня.

– Истерика тебе не к лицу.

– Ты изменял мне прямо в нашей квартире...

– Можешь оставить её себе, я подписал бумаги. – Усмехается. Даже не пытается оправдаться. Уходит, хлопнув дверью.

Я тоже ухожу. Беременная.

Муж не узнает о ребёнке.

Даже если найдёт меня, даже если снова вторгнется в мою жизнь.

Я смогу защитить свою дочь от человека, который предал нас обоих.

1

Солнце обжигает асфальт, топит город в жарком мареве. В такой день не хочется не только двигаться, а даже думать. Тело размякло, распарилось, кожа излучает жар.

Андрей раскинулся на переднем сиденье машины рядом с водителем. С недовольным видом смотрит в окно. Он терпеть не может магазины, поэтому до сих пор злится, что я уговорила его поехать с нами в торговый центр.

Я сижу сзади, за мужем. Рядом со мной Ира, дочь подруги, с которой мы дружили в юности. Люся теперь живёт далеко, на другом конце страны, но отправила дочь в столицу – поискать хорошую работу. Ну и заодно присмотреть жениха, как же без этого.

Красивая девочка...

Хотя какая она девочка, ей двадцать лет. Помню её ребёнком. Милой, стеснительной крошкой. А теперь она уверенная в себе, красивая, яркая, пахнущая дорогими духами и июлем. Её энергия словно сочится сквозь поры. Всё кажется ей новым, свежим, только что распакованным.

Сегодня она какая-то уж очень радостная. Не может усидеть на месте, хихикает. Глаза сверкают.

Замечаю, что муж смотрит на неё в зеркало заднего вида. Тоже, наверное, удивляется такому избытку энергии в невыносимую жару.

Солнце давит на стёкла машины, даже мощный кондиционер с трудом поддерживает прохладу.

– Сил нет, какая жара! Ощущаю себя варёной рыбиной, не могу так больше, – ворчу. Я не любительница жары. Мне бы снег, а не солнце. – Разбудите меня, когда подъедем к торговому центру.

Откидываюсь на сиденье, прижимаюсь щекой к холодной обивке и прикрываю глаза.

Плыву в дрёме. Хорошо, что Андрей поехал с нами, проведем день как семья. Накупим девочке подарков, сходим в ресторан.

Иришка мне как родная, я всегда мечтала о дочке. Да и о сыне тоже. Но своих детей у нас нет. Зачать естественным путём не получилось, а к врачам Андрей идти отказался.

Мне не заснуть, слишком жарко. Сквозь узкие щёлки под веками лениво слежу за видом из окна.

Вдруг замечаю, что Иришка смотрит на меня. Странно как-то... Наклоняется ближе, вглядывается.

Следуя инстинкту, плотно прикрываю глаза, чтобы она не заметила, как дрожат мои веки.

Ира тихо подвигается вперёд, к сиденью Андрея.

Он оборачивается...

В уголках его глаз те самые морщины, которые я раньше называла "умными". Однако сейчас они кажутся... хищными. В его взгляде будто затишье перед прыжком. Как если бы он собирается наброситься...

На Иру?

Мозг ещё не успел обработать информацию и просчитать варианты, но я внезапно чувствую себя чужой в собственном автомобиле. Кожа покрывается пупырышками, желудок стягивает спазмом.

Что-то не так.

Происходит что-то еле уловимое, но липкое, тягучее. Гадкое.

Это не просто последствия жары, а намного большее. Что-то в улыбке Иры, в её слишком коротком платье, в фамильярности по отношению к Андрею...

Андрей бросает на меня цепкий взгляд, но ему не видно моих глаз, прикрытых прядью волос.

Ира качает головой. Еле слышно, одними губами говорит: «Она спит».

Андрей поворачивается к Ире, и его лицо тотчас меняется. Раскрывается в улыбку, которая раньше была моей. По праву брака. По велению любви, которая нас связывала и в которую я наивно верила до сих пор.

Ира улыбается в ответ, но в этой улыбке нет её обычного стеснения. Только уверенность и счастье.

Между ними словно натянута прямая, напряжённая, гудящая нить. Связь, которую я раньше не замечала.

Замираю, почти не дышу. Безмолвная свидетельница обмана настолько грандиозного, насколько разрушительного.

2

Вспоминаю, как Андрей замешкался, когда мы усаживали Иру в машину. Что-то говорил ей, шептал. Я не придавала значения.

Почему? Почему не придавала?

Почему не увидела правду?

Почему не догадалась, что он смотрит на неё не с отцовскими чувствами, а как мужчина смотрит на женщину?!

Мы приняли Иру как родную. Я искренне радовалась: её присутствие будто бы возвращало в дом тепло, отвлекало Андрея от постоянных рабочих забот. Он всё чаще оставался дома – работал в своём кабинете, а Ира ему помогала. Печатала, раскладывала бумаги, приносила кофе. Постоянную работу она пока не нашла, так что Андрей платил ей сам – "за помощь", как он говорил.

Ира стала засиживаться у него допоздна. Я слышала, как за стеной они негромко переговариваются, смеются.

Какая грубая, дешёвая подлость...

Стараюсь дышать глубже. Пусть думают, что я сплю. Пусть ни о чём не подозревают.

Я не могу сейчас открыть глаза и поймать их с поличным. Не способна на это, мне не хватает сил. Вообще ни на что не хватает. Внутри меня будто обвал в горах. Лавина, разрушающая всё на своём пути: мысли, чувства, волю. Равнодушная и беспощадная.

Если от меня хоть что-то останется, то я справлюсь. Сдюжу. Смогу.

Но сначала нужно выдержать лавину.

Выстоять.

Выжить.

Велю себе закрыть глаза и не подглядывать, потому что от этого только хуже. Однако веки сами по себе приподнимаются. Благо под длинной чёлкой и накладными ресницами можно скрыть что угодно. На днях я водила Иру в салон красоты, решила её побаловать. Она уговорила меня сделать накладные ресницы. Тогда я сомневалась, а теперь очень этому рада. Под их тяжёлой тенью не заметен мой тёмный, убийственный взгляд.

Ира тянется к Андрею и поправляет воротник его рубашки. Он смотрит ей в глаза и трётся щекой о её ладонь.

Не стесняясь водителя.

Прямо перед "спящей" женой.

Бесстыже.

Пространство между ними насыщено чувствами, к которым я не имею отношения.

У моего мужа любовница.

Как же это... хрестоматийно. До банальности. Ему сорок пять, ей двадцать.

Предсказуемо. Противно.

Гадко.

Сколько это уже длится? Где они...

О, Господи... Андрей приходит в мою постель после неё.

Змея. В моём доме.

Ест мою еду. Советует мне, как ухаживать за собой, рассказывает современные рецепты красоты. Я покупаю ей одежду, дарю украшения, даю полезные советы...

С каждой секундой лавина внутри меня всё массивней, всё страшнее.

Теперь уже не верится, что от меня останется хоть что-то живое.

Мы подъезжаем к перекрёстку. Субботнее утро, и машин немного. Свет переключается на зелёный, и водитель трогается вперёд. Машина набирает скорость.

Внезапно раздаётся визг тормозов, гудки машин.

Водитель матерится с нарастающей истерикой в голосе.

В ужасе распахиваю глаза, смотрю по сторонам. Всё плывёт перед глазами, как в тумане – шок сбивает фокус, мир теряет чёткость.

А потом я вижу машину на встречной полосе. Она несётся с сумасшедшей скоростью. Сталкивается с другой машиной – глухой удар, визг металла. Водитель теряет контроль, вылетает на нашу сторону дороги и несётся прямо на нас.

Неотвратимо, как пуля.

Мы все погибнем. Это будет лобовое столкновение, и скорость не маленькая.

Я понимаю это с какой-то ледяной ясностью. Всё уже происходит, но время будто растянулось. Мир стал вязким, тягучим. Нереальным.

Остались доли секунды.

С яростным криком наш водитель выворачивает руль, пытается спасти всех нас.

Но я не могу больше следить за дорогой, потому что слишком сосредоточена на муже. Слишком ошарашена. Убита моментом.

– Ира! Ира! – Он срывает с себя ремень безопасности, пытается броситься на заднее сиденье и защитить любовницу от опасности.

Не меня. Её.

Андрей не думает, не просчитывает ситуацию. Это не выбор, а инстинкт. В момент смертельной опасности он испугался не за меня, а за неё.

Удар.

Невыносимый скрежет, рвущий барабанные перепонки.

Металл рвёт металл, визжат тормоза. Что-то хрустит в позвоночнике, в суставах, в костях.

Всё как в кино. Как в страшном сне, от которого невозможно проснуться.

Машина крутится волчком, подпрыгивает, дёргается – как живая, в панике.

Меня швыряет, колотит, трясёт. Тело не моё, я не управляю движениями.

А потом – тишина.

Приземление. Резкое. В неизвестность.

Будто я выпала из мира и очнулась в другом измерении – пахнущем дымом, горячей резиной...

И предательством.

Я не чувствую боли. Только замёрзшее сердце.

3

Мы живы.

Удар пришёлся по касательной. Нас закрутило, выкинуло на обочину и разбило об ограду парка.

Машина в утиль, но мы живы.

К нам подбегают люди. Открывают двери машины, стряхивают стекло с моих колен и помогают мне выйти.

Мир качается, шум города гаснет. Вокруг пульсирующая, подвижная тишина.

Я словно на возвышении, парю над городом и людским ажиотажем.

Кажется, я одна во всём мире. Последняя, единственная. Стою на развалинах, как после глобальной катастрофы.

Непонимающе осматриваюсь, силюсь прийти в себя.

Невдалеке Андрей стоит на коленях возле сидящей на земле Иры. Она в истерике – громкой, с визгом и невнятным лепетом. У неё кровь идёт из носа, у Андрея глубокий порез на лбу, лицо в крови. Наверное, есть и другие повреждения.

Андрей обнимает Иру, гладит по волосам. Его руки дрожат.

Хрипло повторяет: "Всё в порядке, мы живы, теперь всё будет хорошо".

Он ошибается. Всё далеко не в порядке, и уже ничего не будет хорошо.

У меня тоже кровь... шишки... синяки... сотрясения... наверное. Только истерика у меня молчаливая, внутренняя, скрытая. Я в панике бьюсь о стены моей души и не могу вырваться наружу.

Незнакомцы держат меня за руки, за плечи. Пытаются усадить, уложить, что-то промыть, или перевязать, или вызвать скорую...

Стряхиваю их руки, вырываюсь.

Они мешают мне думать.

Когда всё началось?

Что это был за день, когда Андрей впервые посмотрел на Иру не как на доверенную нам дочь моей подруги и не как на девушку, которой мы дали кров, а как на женщину? Как на искру света в его кризисе среднего возраста.

Может, в тот вечер, когда я уехала к подруге с ночёвкой?

Или во время командировки, когда он писал, что "всё хорошо"?

Или когда я спала в соседней комнате – спокойно, безмятежно, не зная, что за стеной рушится мой мир?

Как чертовски банально!

Я вспоминаю всё: разговоры, намёки, взгляды. По-другому слышу каждое слово, сказанное предавшими меня людьми.

Только теперь осознаю, что Андрей больше не смотрит на меня, как раньше. Он стал тихим, рассеянным. Спит, отвернувшись от меня. Не касается как раньше, не целует по утрам.

Когда это началось?!

Откуда взялась моя чудовищная слепота?!

Неужели необходимо лобовое столкновение, чтобы увидеть правду, которая спектаклем разыгрывается перед моим носом?!

Андрей обнимает Иру, как когда-то обнимал меня. Только крепче. С болью. С настоящим страхом.

Это смертный приговор нашему браку. Без слов и объяснений. Необратимый.

Я не плачу. Срыв произойдёт позже, когда откроются шлюзы эмоций, и я позволю себе распасться на части.

Сейчас внутри меня только звенящая тишина. Обугленная. Пустая. Всё, что мы с мужем строили долгие годы, превратилось в пепел после одного несвоевременного взгляда в машине.

Это была не авария, а откровение.

С моей ногой что-то не так, я хромаю. Но не могу остановиться, мне надо идти. Пока не знаю, куда, но скоро очнусь и определю нужное мне направление.

Мне куда-то надо. Срочно.

Что-то стекает по лицу, металлическое на вкус. Я точно знаю, что это не слёзы. Ни за что не заплачу!

Передо мной мелькают лица незнакомцев, их рты открываются. Без звука получается комично, как немое кино без субтитров. Кажется, эти люди хотят, чтобы я вернулась, дождалась чего-то...

Нет уж!

Мне не о чем говорить с Андреем. Он уже ушёл от меня, остался только юридический штамп.

Вот за штампом я и иду.

Наверное, мне плохо.

Но сейчас я чувствую только одно. Сотрясение жизни.

4

Чем сильнее пламя, тем страшнее остающееся после него пепелище.

Страшнее и непригляднее.

Мы с Андреем поженились по любви, настоящей и сильной. Пламя между нами было не просто горячим, а неистовым. Лихорадочным. Андрей был моим куратором на последнем курсе института. Всего на три года старше меня, но он уже был «свой» среди преподавателей: уверенный, уважаемый, собранный. За этой взрослой оболочкой скрывался тонкий ум, честность и... глаза, которые умели не просто смотреть – прожигать насквозь. Я запомнила этот взгляд с первого дня, с первого касания взглядов в переполненной аудитории. Мы оба ощутили внезапное, неумолимое притяжение.

Нам категорически запрещалось даже думать об отношениях – институтская этика, учебная субординация, риск скандала. Однако чувства не подчиняются запретам. Меня тянуло к Андрею с такой силой, что я была готова всё перечеркнуть – учёбу, диплом, мнение преподавателей. Лишь бы быть рядом с ним.

Но Андрей был чертовски правильным и принципиальным. Сказал, что не имеет права начинать отношения со студенткой, пока я не получу диплом. Его честность восхищала меня и одновременно сводила с ума. Я уговаривала, спорила, плакала, но Андрей оказался сильнее. Перевёл меня к другому куратору – хладнокровно, внешне спокойно, но в глазах у него была такая же буря, как и во мне. Мы договорились ждать. Каждый день был борьбой со своими желаниями и страхами. Мы общались только взглядами, которые длились долю секунды, но оставались в памяти на часы. Это было самое важное ожидание в моей жизни.

А теперь...

Куда делись его порядочность и честность?

Что стало с моим мужем?

Вот она – правда долгого брака. Спустя годы ты вдруг понимаешь: рядом с тобой уже не тот человек, которого ты когда-то выбрала «на всю жизнь».

Внешне изменения небольшие. Привычный профиль, походка, голос, любимая чашка по утрам. Но внутри – другой. Незнакомый. Хладнокровно тебя предавший.

Мы вроде как живём вместе. Спим в одной постели. Не просто спим – умеем дарить друг другу наслаждение. Без юношеской неотложности, когда всё на грани неистовства, а со зрелой, уверенной чувственностью и знанием тела любимого человека. И с желанием быть рядом не ради разрядки, а ради близости и ради счастливого осознания, что нас связывает намного большее, чем постель.

Даже бизнес у нас один: семейные кафе-пекарни «Сдобное счастье». Их у нас две, и Андрей как раз начал подготовку к открытию третьей. Он отвечает за организацию поставок, оборудование, финансы и маркетинг. А я отвечаю за работу кафе. Разрабатываю рецепты, придумываю названия для выпечки и общаюсь с заказчиками.

В институте мы оба изучали бизнес и менеджмент, однако я с детства обожала печь. Так у нас и родилась идея семейного бизнеса. Со временем мы «выросли», наняли пекаря, кондитера и менеджера, но всё равно, у наших кафе семейная душа. Клиенты любят тёплую, домашнюю атмосферу, где выпечка приготовлена с любовью.

Только...

Ничего этого больше нет. Ни тёплого, ни домашнего. «Мы» закончились. Словно кто-то вынул душу из нашего брака – и он ещё какое-то время существовал по инерции, притворялся, что дышит... А потом погиб.

От наших семейных кафе остались только кирпичи, печи и столики, а душа ушла.

Раньше в каждом нашем пироге, в каждой булочке был кусочек нас.

А теперь «нас» нет.

Идти становится всё труднее. Левая нога пульсирует болью. Пытаюсь понять, что с ней – наклоняюсь, ошупываю, но сосредоточиться невозможно. Перед глазами всё плывёт. Голова кружится – странное ощущение: вроде стою, а вроде плыву, как в полусне.

Сворачиваю в первый попавшийся двор, будто инстинктивно ищу угол, где можно свернуться клубком. С трудом опускаюсь на поребрик. Осматриваю ногу. Левое колено распухло, кожа натянулась, горячая на ощупь. Ниже – голень в крови, рваная ссадина. Разорванный чулок прилип к ране.

Тру глаза ладонями, как будто этим можно прогнать туман, заставить мозг снова работать в полную силу. Но перед глазами всё равно рябит.

До меня наконец, с очень большим опозданием доходит, что я долго брела в неизвестном направлении и не знаю, где оказалась.

Незнакомый район, двор.

Сумочка осталась в машине.

Смутно вспоминаю, что по пути ко мне подходили прохожие, предлагали помощь. Меня окликали из подъехавших машин, из дворов.

Чётко помню только одно: муж ко мне не подошёл. Не окликнул, не побежал следом, не позвал, не волновался...

Не, не, не...

В который раз осматриваюсь, но с нулевым результатом.

Где я, чёрт возьми?

Вспомнить бы, зачем сюда шла...

Хотя, скорее всего, я шла не «куда», а «откуда». Хотела убраться подальше от мужа и подколотной змеи, которую по наивности и дурости пригрела на своей груди. Чем дальше, тем лучше.

Дверь подъезда открывается, и ко мне спешит милостивая пожилая женщина. Хлопочет вокруг, переживает...

Так приятно, когда вокруг равнодушные люди, бросающиеся на помощь!

Сегодня мне повезло, почти все оказались равнодушными.

Кроме моего любимого и любящего мужа.

– У вас что-нибудь сломано? – Женщина пытается докричаться до меня сквозь туман шока.

– Только моя жизнь, – отвечаю правдиво.

На её лице искреннее сострадание. Она сжимает моё плечо, поглаживает.

– Вы можете идти? Я только сейчас увидела вас из окна, иначе давно бы вышла. Мой муж врач, но он сейчас моется в душе. Если вы сможете подняться в квартиру, то он окажет вам первую помощь. Если не сможете, то он выйдет сюда через несколько минут.

С трудом поднимаюсь на ноги. Иду за женщиной в их квартиру.

Мне повезло.

Вокруг множество добрых людей.

Кроме моего мужа.

5

Пока муж моей спасительницы, Есении Петровны, домывается в душе, она укладывает меня на диване.

Приносит полотенца, тёплую воду и аптечку размером с отдел супермаркета. Чувствуется, что я попала в медицинскую семью.

Есения Петровна садится рядом и касается моего лица ватным диском, пропитанным чем-то прохладным и щиплющим. Руки у неё лёгкие, уверенные, как у человека, привыкшего ухаживать за другими.

– Так... вот тут царапина, но не глубокая, надо только промыть, – бормочет себе под нос.

Я чувствую, как она осторожно касается моей щеки, потом подбородка. Где-то на периферии сознания ощущаю тупую боль, но всё ещё словно через вату. То ли от удара, то ли от шока ощущения притуплены.

Находятся новые ссадины – на предплечье, на запястье. Вероятно, это из-за разбитого стекла. На моём колене тонкое полотенце с затейливой ручной вышивкой, поверх него пакет замороженного зелёного горошка. Холод проникает сквозь кожу, успокаивает жар и пульсацию в распухшем суставе.

– Жалко портить такое красивое полотенце, – говорю я в неловкой попытке выдавить из себя что-то вроде благодарности или хотя бы осмысленной фразы. – Замажу его кровью, грязью, и вам придётся выбросить. Вы сами его вышивали?

Есения Петровна отрывает взгляд от моей руки, морщит лоб. Судя по её удивлённому лицу, я перебила её в середине предложения – она явно что-то говорила. Её слова смешивались с шумом в моей голове, с пульсацией крови в висках и доносились до меня словно через толщу воды.

– Простите... Я не хотела вас перебить. Просто... после аварии я немного в шоке. Или много.

Чувствую, как пальцы Есении Петровны на мгновение замирают на моей коже.

– Да что вы, не волнуйтесь! Я всё понимаю, Сашенька. И о полотенце не беспокойтесь, оно совсем старое, я уже сто раз его штопала. Я так люблю вышивать, что в доме от моих работ нет прохода. Всё в подушках, салфетках, наволочках... Даже халаты у мужа с вышивкой. Он пытался ворчать, но ничего не поделаешь, пришлось привыкнуть. – Усмехается уголком губ.

Мы в уютной, тёплой комнате с вышивкой в рамках на стенах и десятком семейных фотографий.

– Очень красиво! А сейчас вы что вышиваете?

Есения Петровна щурится, поглаживает меня по руке.

– Я вам всё расскажу и покажу, если захотите, но сначала давайте позаботимся о вас. Надо сообщить вашим родным об аварии и о том, где вы находитесь.

В её голосе очевидное сочувствие. Не иначе как она догадывается, что сейчас мне хочется говорить о чём угодно – о вышивке и о её внуках, – только не об аварии.

– Мой... *родной* уже знает об аварии. Он ехал в той же машине, но был слишком занят своей любовницей, чтобы помочь жене.

Глаза женщины на секунду расширяются, потом она кивает с пониманием.

– Вы только что узнали о них?

– Да, перед самой аварией. Девушка гостит у нас дома. В машине они с мужем думали, что я спала, и... – Повожу рукой и морщусь. – Они даже не постеснялись водителя.

Дальнейшие объяснения не нужны, и так всё понятно. Прозаично. Обыденно. Гадко.

– Вы уже знаете, как поступите дальше?

В задумчивости закрываю глаза. Пытаюсь представить, какой будет моя реакция, когда я наконец приду в себя.

– Я буду рвать и метать. Метать и рвать, – отвечаю уверенно.

– Это хорошо. Мне кажется, у вас это получится очень эффектно.

– Я бы многое отдала, чтобы никогда больше не видеть мужа, но, к сожалению, у нас общий бизнес.

– Можно спросить, какой?

– Кафе-пекарни «Сдобное счастье».

Мужской голос раздаётся так неожиданно, что я вздрагиваю.

– Меня давно мучает один вопрос, и я наконец-то смогу его задать! Что вы добавляете в «Ванильную радость»? В ней не только ваниль, а что-то ещё – то ли карамель, то ли сгущёнка.

– В комнату заходит муж Есении Петровны в домашних брюках и рубашке. Он явно одевался в спешке, торопился мне помочь. Страхивая влагу с седых волос, придвигает стул и одновременно говорит жене. – Сень, это та самая пекарня, где Миша покупает хлеб.

– Ой да, точно. Сын с невесткой всё время к вам ходят за хлебом, а внуки обожают ваши булочки с корицей.

– Давайте сначала разберёмся с вашими повреждениями, а потом вы обязательно расскажете мне секрет «Ванильной радости». Я вообще-то не любитель сладкого, но, когда мы ездим к сыну, всякий раз съедаю у него это пирожное и не могу угадать, с чем оно. Очень вкусно! – Лицо мужчины складывается в привычные морщины, добрые и мудрые.

– В нём белый шоколад, – говорю заговорщическим шёпотом.

Вдруг становится так тепло на душе, что слёзы, сдерживаемые с момента аварии, наконец находят выход. Они текут – не от боли, не от страха, а от чего-то глубже, от того, что копилось внутри. Я и не осознавала, насколько важно мне было убедиться, что рядом есть хорошие люди.

Не муж, предавший меня и оставивший на обочине.

Не дочь подруги, чьи поступки стали ножом в спину.

Не водитель, вставший на сторону мужа.

А вот – нашлись. Хорошие люди. Тёплые, простые, настоящие. Целых двое.

Открыли свой дом и своё тепло для чужой растерянной, измученной женщины.

Мне за сорок, но сейчас я чувствую себя потерявшейся девочкой. Маленькой, одинокой, замёрзшей изнутри. Хочется свернуться клубком в позе эмбриона, спрятаться в тени их жизни, полной любви, доверия и какой-то простой, не показной доброты. И лежать так пока не утихнет боль, пока не перестанет кровить душа.

Пока не найдутся силы подняться на ноги.

6

Хозяин дома, Борис Сергеевич хлопает в ладоши.

– Белый шоколад? Да что вы! Никогда бы не догадался. – Осматривает меня цепким, опытным взглядом, особенно порезы на лице. – Ладно, теперь давайте-ка разберёмся, что с вами не так.

– А какой вы врач?

– Сейчас уже на пенсии, но раньше работал отоларингологом. ЛОР.

– Ухогорлонос, – говорю машинально.

Мужчина усмехается.

– Да, мы о-о-очень любим, когда нас так называют.

– У меня нет для вас ничего интересного. С ухом-горлом-носом у меня всё в порядке, а вот с коленом беда.

– И не только с коленом. Мне не нравится ваш порез на щеке. Сейчас я обработаю его и стяну края раны липкими пластырями, но лучше бы наложить швы, иначе может остаться шрам.

Борис Сергеевич спрашивает об аварии, обрабатывает мои раны, накладывает повязки. Говорит, что, возможно, у меня сотрясение. Подтверждаю, что да, вся моя жизнь сотряслась и распалась по трещинам, которые я по своей наивности не замечала.

Я ушиблась о глыбу лжи, которая внезапно оказалась на моём пути.

Порезалась об острые края предательства.

Обожглась о ледяное равнодушие мужа.

И как ни стягивай края ран и ни накладывай швы, шрамы останутся навсегда.

– У нас с мужем нет детей, потому что он не захотел обращаться к врачам. Он не любит врачей. – Вдруг делюсь с хозяевами этим не относящимся к делу фактом.

– Ничего страшного, я не обижаюсь, – заверяет меня Борис Сергеевич. – Я услышал часть вашего разговора с моей женой и могу сказать, что я тоже не фанат вашего мужа.

Вот так – запросто, ненароком, в уюте чужой гостиной – я получаю поддержку от двух совершенно незнакомых людей. Их тепло не демонстративное, не продуманное из вежливости. Оно как тёплый свет из окна в зимний вечер, как плед, накинутый без слов. Их взаимная любовь настолько очевидна и в таком избытке, что переливается через край, согревая забредшую раненую женщину.

Вдруг что-то сжимается в груди.

Ведь я думала то же самое об Ире.

Я радовалась, когда она приехала в наш дом. Мне казалось, что в нашей семье столько тепла, что мы можем делиться – и не пообедем. Я верила, что у моего брака прочный фундамент.

А оказалось, что мой дом был карточным.

И сегодня я не хозяйка, а гость. Не дарю тепло, а впитываю его, как губка.

– Большое спасибо за помощь. Мне уже намного лучше.

Это правда. Зрение прояснилось, голова почти не кружится, и я наконец ощущаю прилив внутренних сил. Словно просыпаюсь от шока.

– Нет, Сашенька, погодите! – взволнованно говорит Есения Петровна. – Вам нельзя спешить, только если вы собираетесь ехать в больницу. Боря, скажи что-нибудь!

Борис Сергеевич поправляет очки, смотрит на меня веским врачебным взглядом.

– За вами есть кому приехать, кроме..? – Не хочет называть имя моего мужа. – Вы нас ничуть не стесняете, оставайтесь сколько нужно. Вы перенесли серьёзную травму и шок, и я должен убедиться, что вы в порядке, и у вас есть всё необходимое.

Поколебавшись, принимаю решение.

– В таком случае... Скажите, пожалуйста, у вас есть мука?

– Да, конечно, есть, – отвечает Есения Петровна. Смотрит на меня настороженно, с опаской. Подозревает, что сотрясение мозга было более тяжёлым, чем они предполагали.

– Мне понадобится много муки. И сахар тоже. Ваниль, сгущённое молоко, яйца, сметана... Знаете что? Думаю, будет лучше, если я схожу в магазин.

Хозяева переглядываются, потом смотрят на меня с идентичными сочувственными улыбками.

– Давайте лучше я выйду в магазин, а вы пока отдохнёте и придёте в себя, – предлагает Борис Сергеевич всё тем же врачебным тоном. – Напишите мне список всего, что вам нужно, и я куплю.

Осматриваю себя. Да уж, в таком виде в магазин лучше не идти, да и босоножка у меня одна.

– Спасибо вам большое! Сейчас напишу.

Хозяева настороженно следят за тем, как я строчу длиннющий список продуктов. Наверняка уже жалеют, что предложили мне остаться.

– Борис Сергеевич, я сделаю вам «Ванильную радость», – обещаю, не отрываясь от списка.

– Спасибо. Занятие любимым делом имеет хороший лечебный эффект, только не перенапрягайтесь так скоро после аварии.

– Сашенька, скажите, а что вы будете делать с остальным продуктами? – добрым, но встревоженным тоном интересуется Есения Петровна.

Смотрю на неё, и на моём лице широчайшая улыбка человека, который только что нашёл выход из тупика.

– Как что? Мстить, конечно.

7

Плитка на кухне Есении Петровны похожа на ту, которую мы с Андреем выбрали для нашего первого кафе. Помню, как мы с ним таскали мешки с мукой, выбирали краску для стен, спорили из-за цвета скатертей. Тогда казалось, что всё, что мы делаем, – надолго. Навсегда.

А теперь я в чужой квартире, в шоке после аварии и предательства Андрея. А он изменяет мне с юной дурочкой. Типичная история, настолько банальная, что аж тошно. Кризис среднего возраста. Даже спрашивать не надо, и так всё предсказуемо. Андрей вдруг осознал, что ему сорок пять, что волосы редеют, а в жизни не хватает «искры». К счастью, ему повезло, искра быстро нашлась. Она оказалась девчонкой, которая не выходит из ванной, не сделав десяток селфи, и которая провалила шесть собеседований на элементарную работу.

Хозяйничаю на чужой кухне. Режу сливочное масло кубиками и думаю, как назвать печенье в форме разбитого сердца. Хотя о чём тут думать? Так и назову.

«Разбитое сердце».

Всеми горячо любимое песочное печенье в форме сердца, а на нём красной глазурью большая трещина. И соответствующее название.

Неплохо для начала, но простовато. За креатив в нашей семье (которой скоро не станет) отвечаю я. Маркетолог всегда хвалит меня за то, что я мыслю оригинально и масштабно. Вот и сейчас я наверняка смогу придумать не просто маленький намёк на неприятности в брачном раю, а превращу мою идею в кулинарный фейерверк.

Завершение моего брака прозвучит не тихим вздохом, а громким, смачным: «ХРРРСТ!»

Андрей ненавидит людское внимание. Он всегда говорит, что хочет «тихую славу», «вкус без шума», «любовь без скандалов». Он держится в тени, любит работать дома, не выносит толпу. Даже к рекламе относится с неприязнью. Раньше я брала на себя все связи с общественностью и публичные обязанности, а мужу позволяла оставаться в тени бизнеса.

А теперь – держи, дорогой. Получай славу в её самой горячей и хрустящей форме.

Ты думал, что я проглочу твоё предательство? Посмотрю в другую сторону и прощу, потому что мне за сорок, и я испугаюсь одиночества?

Надеялся, что я позволю тебе изменять, потому что у нас общий бизнес, который я не захочу терять?

Как бы не так!

Мечь – блюдо, которое не всегда надо подавать холодным. В кафе-пекарне мечь подаётся свежей, тёплой и с хрустящей корочкой.

Я превращу наш развод в новое меню.

Креатив прёт из меня во все стороны, еле успеваю готовить и параллельно записывать идеи и рецепты. К счастью, у меня целых два помощника-энтузиаста.

Есения Петровна взяла на себя разработку рецепта нового торта под названием: «*Любовь прошла – калории остались*».

Этот торт будет большим, многослойным, украшенным конфетками в виде разбитых сердец.

Борис Сергеевич учится печь «Ванильную радость» и параллельно взбивает яйца.

Сначала хозяева следили за моим кулинарным безумием с сочувствием и волнением, а потом и сами загорелись моей идеей. Особенно когда я описала им полную картину того, как мои кафе-пекарни запустят новую кондитерскую линию продукции под названием «*Сладкая Мечь – выпечка с послевкусием правды*».

И теперь мы кулинарничаем все вместе. Идеи льются с таким напором, словно прорвало плотину.

«Круассан на стороне»

Легкий, воздушный, как его обещания... Начинка с перчинкой, как предательство.

Пирог «В командировке»

С двойным дном. Начинка скрывается глубоко внутри, как его враньё.

Пончик «Дырка от чувств»

Эта вкуснятина в пояснении не нуждается.

Торт «С ножом в спине»

Бисквитный торт, украшенный сладкой глазурью, но с шоколадным «лезвием» в центре.

Ягодная тарталетка «Ты всё неправильно поняла»

Идеально симметричная снаружи, но внутри – полная каша.

Печенье «Он просто устал»

Тонкое, ломкое, с привкусом отговорок.

Эклер «Его обещания»

Длинный, как список однажды данных обещаний, но пустой внутри. Взбитые сливки к эклеру подаются отдельно.

Есения Петровна особенно увлечена процессом. Обсуждает со мной каждый рецепт, спорит о названиях. Даже попросила поучаствовать в запуске нового ассортимента. Она на пенсии, всегда любила готовить для большой семьи, а теперь балует вкусами одного мужа. Поэтому она с восторгом подключилась к моей кулинарной мести.

Да и Борис Сергеевич тоже не отстаёт, но идеи у него не такие успешные, как у его жены. Если хлеб с сушёными помидорами и специями под названием «*Завяли помидоры*» ещё можно представить на витрине кафе, то «Ванильную радость» с острой начинкой с добавлением перца чили и названием «*Вонючая гадость*» лучше вообще не представлять и уж точно не пробовать.

Я не просто кулинар. Я теперь художник по боли. Каждая начинка – история. Каждая форма – издевка. Клиенты будут есть мою месть ложками, облизывать карамельное предательство с пальцев и заказывать добавку.

На витрине появится табличка: «Специальное Меню: Вкус Предательства». Кто-то подумает, что это пиар-ход, и будет прав. Но не до конца. Это акт внутреннего очищения. Вместо того, чтобы сжечь вещи Андрея или разбить посуду, я буду продавать пирожные с намёками.

Андрей будет приходить на работу, видеть толпу, читать названия, краснеть и, может быть, однажды сдохнет от стыда.

Но к тому времени меня уже не будет рядом.

Многослойный десерт «Развод»

Подаётся в сервировочном бокале.

Состав:

Осколки разбитого сердца – кусочки красной стеклянной карамели.

Слёзы – солёная карамель.

Пустота – воздушный мусс из горького шоколада.

Раздел имущества – раскрошенное печенье двух видов: ванильное и шоколадное.

Подаётся с молочным коктейлем «Свобода».

8

Мужу всё равно, что со мной случилось и жива ли я, но ему не наплевать на бизнес, уж в этом я уверена.

Да и чтобы содержать молодую любовницу, нужны деньги. Много денег, особенно для такой, как Ирочка. Всё брендовое, всё с шиком, как на картинках в сети. Мне следовало заподозрить неладное уже когда она провалила шесть собеседований. Не было похоже, что она особо старалась. Скорее, выжидала время и надеялась найти состоятельного мужчину.

И вот нашла.

Вообще не следовало приглашать Иру к нам в дом, надо было поселить её отдельно.

Теперь моё поведение кажется чудовищно наивным. Как говорится, все мы становимся крепки задним умом. Только вот где он, этот загадочный задний ум, прячется, пока нужен? Почему просыпается только тогда, когда уже поздно, когда всё рухнуло и разлетелось в пыль? Было бы полезно научиться включать задний ум заранее – вместо «переднего» ума, доверчивого. Хотя бы иногда. Хотя бы в моменты, когда ставки действительно высоки.

Ранее идеальная кухня моих спасителей сейчас в полном беспорядке, но оно того стоило. Мне было бы неловко, что я выбрала чужую квартиру для моего внезапного кулинарного торнадо, однако Есения Петровна, хотя и припорошена мукой, и выглядит уставшей, получила очевидное удовольствие от нашей сладкой мести. Да и Борис Сергеевич не отставал. Тоже увлёкся и даже к концу придумал вполне себе приемлемый десерт: *Зефир «Это было всего один раз»*. Слишком мягкий, слишком сладкий – вызывает недоверие с первой пробы.

Ещё он предложил продавать сосиски в тесте и предсказал их повышенную популярность, однако под строгим взглядом жены смутился и даже покраснел. Теперь сидит молча и уплетает третью по счёту «Ванильную радость», и это после того, что распробовал всё остальное, что мы приготовили. А ведь предупредил в начале, что не очень любит сладкое, но и его тоже затянул сладкий вихрь. Что интересно, он ни разу не попытался проявить мужскую солидарность и смягчить приговор Андрею.

Я благодарна ему за это.

Внезапно, бросив случайный взгляд на часы над обеденным столом, с удивлением понимаю, что день незаметно перешёл в вечер.

И в этот самый момент со мной происходит нечто труднообъяснимое – словно кто-то рывком стягивает с меня одеяло притворства, под которым я пряталась. На меня наваливается осознание случившегося – не резким ударом, а как холодная каменная плита, медленно и беспощадно придавливающая грудь. Это не обида, не паника и не краткий приступ ярости или разочарования, а вязкое, горькое чувство бессилия. Опустошение. Невыносимая душевная усталость.

Развод – это не двухминутное прощание, а растянутый во времени, мучительно детальный процесс, в котором каждое слово, каждый взгляд, каждая мелочь причиняют новую боль. Мне придётся пройти через это во всех безрадостных и болезненных деталях и пережить всё – от первых неловких разговоров до последнего хлопка двери.

Я откладывала осознание этого сколько могла, закрылась от реальности сладкой мезью. Пекла булочки и торты как заклинание от боли, как будто могла замесить в тесто своё отчаяние и выжечь его в духовке. Однако самообман – это не выход, а только отсрочка неизбежного. Мне придётся взглянуть реальности в её неприглядное, гадкое лицо – и больше не отводить глаз.

Словно заметив моё состояние, Есения Петровна мягко касается моей руки.

– Сашенька, давайте всё-таки позвоним кому-нибудь из ваших родных, а то они наверняка волнуются. Возможно, даже заявили в полицию...

Она не в первый раз напоминает мне об этом, но до меня только сейчас доходит, что мне негде жить. Домой я не вернусь. Придётся попроситься на ночлег. Выбор очевиден: Галя, одна из моих подруг, недолюбливает Андрея, а значит, точно не выдаст ему мои замыслы. Да и она не замужем, а у других моих подруг мужья дружат с Андреем.

Галя поможет, я в этом уверена.

– Вы правы, мне действительно надо позвонить подруге. Я временно поживу у неё. И ещё надо предупредить кондитера, что мы начинаем новую линию выпечки... – Говорю это, скорее, самой себе, чем моим спасителям.

– Вам бы ещё позвонить юристу, – напоминает Борис Сергеевич, откашлявшись. – И не только по поводу... ваших отношений с мужем, но и попросить совета насчёт планируемых нововведений в кафе. Вы с мужем совместно владеете бизнесом, и если вы без его ведома запустите линию продукции, которая может его... к-х-м... дискредитировать, то могут возникнуть проблемы.

У меня полная креативная независимость от мужа, однако Борис Сергеевич прав. Очень даже прав. В таких ситуациях лучше перестраховка, чем беспечность. Единственный юрист, которого я знаю, консультирует нас с Андреем по вопросам бизнеса.

– Надо позвонить Ниночке, – предлагает Есения Петровна, глядя на мужа. Тот кивает, и тогда она поворачивается ко мне. – Ниночка очень хороший адвокат и человек тоже, она наша давняя добрая знакомая. И она большая любительница сладкого, поэтому будет особенно рада вам помочь. Если в вашем плане сладкой мести что-нибудь... подгорит, она с этим справится. – С намёком улыбается.

Слов нет, как мне повезло со спасителями! Не иначе как сама судьба привела меня в их двор. Они предлагают мне остаться на ночь, но я не могу и дальше злоупотреблять их добротой.

Прошу разрешения воспользоваться телефоном и звоню подруге. Та оплачивает мне такси, так как мои деньги остались в сумочке на сиденье машины, вместе с телефоном.

Своей обуви у меня тоже нет, только одна босоножка, поэтому беру предложенные Есенией Петровной старые тапки. Перед тем как уйти, всё-таки звоню одному человеку, который, возможно, ищет меня и волнуется. Если, конечно, мой неблагодарный супруг вспомнил-таки о жене и заявил о моей пропаже.

Витя, гениальный кондитер и моя правая рука, отвечает на первом звонке. Его голос такой нервный и резкий, что мне в момент становится неловко.

– Саня, ты жива вообще?! Твою же... Где ты пропадала?! – кричит. – Извини, я дико волновался... – Резко выдыхает. – Где ты?

– Я попала в аварию...

– Я знаю об аварии! Андрей с ума сходит, весь город перевернул вверх ногами, ищет тебя...

9

Андрей сходит с ума.

Город перевернул вверх ногами, видите ли.

Лучше бы в тот момент, сразу после аварии, повернул голову – не к своей Ирочке, а ко мне. Посмотрел бы, дышу ли я вообще, цела ли, способна ли пошевелиться. Тогда не пришлось бы искать меня по всему городу несколько часов спустя.

Но нет. Он был слишком занят, слишком погружён в трепетные заботы о своей любимице, чтобы удосужиться взглянуть на собственную жену, лежащую в изуродованной машине.

В тот момент я для него просто перестала существовать. Пункт в брачном договоре, временно вычеркнутый из жизни.

А потом Андрей вдруг вспомнил, что если не будет дойной коровы, то и молоко быстро закончится, вот и стал меня искать. У него «кризис», который надо оплачивать, покупать Ире брендовые наряды и украшения, чтобы не потерять несомненно «чистую и искреннюю» любовь молодухи. Потому что Ирочка – барышня с запросами. Её не удержишь пустыми клятвами и обрывками внимания. Ей нужны подарки, путешествия, впечатления.

Если дойная корова уйдёт, молоко кончится, и молодая пастушка быстро сбежит в чужое стадо, где и трава зеленее, и быки богаче.

Как только Андрей вспомнил об этом, тогда и начались поиски жены. Так что да, он сходит с ума, только не по мне, а от страха потерять привычную и удобную жизнь.

Интересно, какие объяснения придумает Андрей? Чем собирается меня уговаривать, как будет извиняться? Явно постарается подобрать слова получше, что-нибудь убедительное, с претензией на искренность. Будет мять рубашку на груди и вздыхать: мол, «ошибся», «не знаю, что на меня нашло», «не хотел». Придумает, что всё было случайно, внезапно, помутнение, стресс, а Ирочка – так, эпизод и «ничего не значила». Наверняка вскипятит драму и подсыплет в неё показной искренности, потому что знает: без меня он в пекарне как якорь без лодки. Если не за что зацепиться, он просто уйдёт ко дну.

Я не держусь за деньги, никогда не держалась. Найти работу для меня проще простого, после такого-то кулинарного успеха. Наша выпечка хорошо известна, даже мои спасители о ней знают. Но идейный вдохновитель и главный пекарь – это я, а вот Андрею придётся туго. Не потому, что он дурак. Как раз наоборот: он умный, талантливый бизнесмен с впечатляющей деловой хваткой. Но для поисков новой работы надо выходить на люди, общаться с ними, улыбаться, договариваться. А он интроверт каких поискать. Я всегда была его живой визиткой, брала на себя встречи и переговоры. А теперь ему придётся вылезти из-за моей спины. Вот и будет ему испытание. Второе, после сладкой мести.

Работать вместе с Андреем я не буду – и точка. Даже обсуждать это бессмысленно. Мы с ним больше не команда, не партнёры, не «мы». Пока не знаю, как поступим с пекарнями. Если Андрей захочет – пожалуйста, пусть выкупает мою долю, нанимает кого-то в помощь Вите и продолжает бизнес без меня. Я не стану цепляться.

Хотя, конечно, горько, больно и обидно терять проект всей моей жизни. Но это было *семейное* дело, а семьи больше нет.

Так что всё. Конец. Всему конец – семье, браку, пекарням. Конец моей помощи мужу, которого больше не считаю своим.

Больше я не его добрый пирожочек. Теперь я – скалка.

Всё это мы обсуждаем с Витей и Галей, развалившись на диванах в квартире, которую Галя с трудом отвоевала в скандальном разводе семь лет назад. Так что опыт у неё есть, как и хватка, и вагон полезных советов.

– Сразу собирай доказательства, что Андрей тебе изменил. Надо найти снимки с места происшествия, на которых гад лапает потаскушку. Раз были очевидцы, то наверняка есть и снимки. Полиция, уличные камеры, прохожие – кто-нибудь да заснял их вместе на месте аварии. Дальше: тебе надо вернуться домой, когда отребья нет дома, и перерыть их вещи в поисках доказательств измены. Если гад встанет в позу и начнёт артачиться, твой адвокат швырнёт ему в рожу доказательства того, что он тебе изменил. Помяни моё слово, Андрей наверняка встанет в позу, потому что он гад и потому что без тебя нет вашего бизнеса, а он привык к хорошей жизни...

Уже почти полночь, а мы всё о том же.

Галя озлобленная, разочарованная – такой она стала уже давно, и тому есть более чем веская причина. Её муж – мужчина с обложки журнала, обходительный, с безупречным вкусом и обаянием – долгие годы содержал вторую семью на стороне. Скрывал, врал, притворялся любящим и заботливым. А когда правда всплыла, не только не извинился, но и попытался при разводе оставить Галю ни с чем, потому что «раз у него семья, ему деньги нужнее». Без тени стыда. Без сожаления. Так что неудивительно, что после такого удара у Гали остались шрамы, которые ни временем, ни чужим теплом не залечить.

Она прямолинейна, даже резка. Советует много и по делу, и советы её выверены горечью и опытом. Но я слушаю и ловлю себя на мысли, что не всё во мне откликается.

Наверное, мне ещё рано говорить о разводе в подробностях. Об уликах, доказательствах и скандалах. Не прошло и суток с момента, когда я узнала о предательстве. Я всё ещё стою на краю обрыва, и внутри только одно: боль. Сильная, обжигающая, невыносимая боль.

Как будто от меня оторвали часть души и сделали это с холодной методичностью.

Как же мне чертовски больно!

Кладу голову на спинку дивана и закрываю глаза. Витя придвигается, обнимает меня за плечи.

– Оставь лекции, Галь! Не видишь, что ли, Сане плохо. Сейчас не время для нравоучений, потом с ней об этом поговоришь...

– В том-то и дело, что потом будет поздно. Если не поторопишься, не найдёшь никаких улик, отребье от них избавится...

– Всё, хватит! – ругается Витя и, придвинувшись ближе, внимательно рассматривает мою щёку. – Твой порез кровит, повязка промокла. Галь, у тебя есть аптечка?

– Не надо ничего менять, – ворчу устало. – Врач стянул края пореза пластырями, но сказал, что надо наложить швы, а я не хочу.

– Почему не хочешь?! – спрашивают хором.

– А пусть останется шрам. Будет что пощупать, если вдруг когда-нибудь снова надумаю связаться с мужчиной.

– Да ну брось! – раздражённо бросает Витя. – Это всё равно что судить всех женщин по этой... Ире.

Открываю один глаз, на второй нет сил. Устала запредельно.

– Ты чего так странно произносишь её имя? Погоди-ка минутку... Ты что, знал об их романе?!

– Нет! – Витя отшатывается от меня и яростно мотает головой. – Конечно, не знал! Просто... Когда Ира приходила с тобой в пекарню, всегда была весёлая, приветливая, всем интересовалась. Мы разговаривали с ней, и она казалась нормальной девушкой. Ира мне нравилась, – признаётся тихо.

– Не только тебе! – Фыркаю, и внезапно мы оба начинаем смеяться. Горько и разочарованно.

10

– Ты уверена, что хочешь устроить сладкую месть? У такого шага будут последствия...

Мы уже обсудили мой план в деталях, даже придумали новые варианты выпечки и десертов. Оказалось, что тема предательства даёт большой простор для кулинарного воображения. К сожалению, Галины предложения пришлось забраковать, потому что они, в основном, были слишком откровенными и нецензурными. А вот Витя, как всегда, проявил себя в лучшем свете, придумал много забавного.

И заодно заверил меня, что, как бы ни повернулась ситуация, он останется на моей стороне.

Я наняла его, молодого и неопытного, потому что заметила в нём незаурядный талант. Научила всему, назначила главным кондитером, а со временем мы стали друзьями. Поэтому вроде как неудивительно, что он мне предан.

Однако предают все, даже те, кто обещал любить тебя до гроба, поэтому я не считаю Витину преданность чем-то само собой разумеющимся.

– Вить, я всё, выхожу из игры и хочу сделать это... вкусно и с хрустом. Это не просто развод, а полный развал. Когда мы с Андреем решим, что делать с бизнесом, я сразу тебе скажу. Если мы продадим пекарню, я порекомендую тебя новому владельцу. А если Андрей захочет выкупить мою долю и продолжать бизнес, то для тебя ничего не изменится...

– А ты не хочешь выкупить его долю?

– Нет. Это был семейный бизнес, а наша семья теперь в прошлом. Я не могу остаться в прошлом, не после того, как оно взорвалось прямо перед моим носом. Если ты не хочешь участвовать в сладкой мести, то я не обижусь. Тогда продолжай всё как обычно в одной пекарне, а я введу изменения в другой.

– Не-а, месть размером с одну пекарню – это не масштабно. Если уж мстить, то красиво и на полную катушку. А то жалко даже, такие хорошие идеи пропадут... *Кекс «Случайно получилось».* *Ничего случайного, все ингредиенты тщательно подобраны, как и его отговорки.*

– Хмыкнув, Витя поднимается с дивана, на прощание чмокнув меня в макушку. – Ладно, девушки, я домой. Вы тоже долго не сидите, а то ты, Санёк, похожа на дохлого вампира...

– Вампиры бессмертные.

– А ты, к сожалению, нет, так что иди спать. Завтра с утра позвоню тебе, и обо всём договоримся. Будем сладко мстить...

Трель телефона раздаётся так внезапно, что Витя едва не роняет его на пол.

Бросает взгляд на экран и морщится.

– Звонит твой муж, – говорит сухо и поднимает на меня глаза. – Андрей наверняка догадался, что я с тобой.

– Что ты ему сказал?

– Только то, что ты жива и требуешь развод. Как ты просила, ничего лишнего. Но он потом ещё несколько раз звонил. Я не брал. И вот... снова.

Витя смотрит на экран, уже собирается сбросить звонок, палец завис над кнопкой.

– Подожди, – тихо говорю, кладя руку ему на запястье. – Не надо.

Он оборачивается ко мне в нерешительности. Я понимаю, как ему тяжело. Андрей ведь не просто мой муж, он и его начальник. Витя оказался между двух огней, сложнее не придумаешь.

– Не хочу, чтобы ты застревал между нами, – говорю я. – Это нечестно. Ответь! Я поговорю с Андреем.

– Уверена? – Витя хмурится.

– Давай я с ним поговорю! – Галя подсакивает на ноги и пытается схватить телефон. – Скажу этому уроду, куда может засунуть свой отросток...

Витя уворачивается от неё и отвечает на звонок.

– Передай телефон моей жене! – доносится из телефона. Не голос, а почти крик. Жёсткий приказ.

От этого желчь поднимается до самого горла. Жар печёт кожу, слепит глаза. Нахал! Мерзавец! Вспомнил о жене, да? И теперь приспичило, чтобы я была на месте, как комнатная собачонка, и продолжала выполнять его команды?

Витя смотрит на меня с сомнением, но я смело протягиваю руку.

Не хочется слышать голос Андрея, но я не могу позволить себе проявить слабость. Не сейчас.

– Дорогой, ты обо мне вспомнил? Надо же! А я было начала волноваться, что у тебя отказала память.

– Александра, я не собираюсь выслушивать бессмыслицу. Где ты? Полагаю, что у Гали, и вы все трое копаете мне могилу?

– Уф-ф-ф... Ты назвал меня полным именем, значит, дело серьёзное. Обычно ты делаешь это, когда я в чём-то провинилась. М-м-м... Дай-ка подумать, что я сделала такого ужасного... Притворилась спящей в машине и наблюдала, как вы с Ирой тёрлись друг о друга? Упс! Да... Именно это я и сделала. Позволь угадаю, как ты об этом узнал... Меня выдал твой водитель, да? Он увидел в зеркале, как я наблюдала за вами с Ирой? Или на месте аварии тебе сказали, что я видела ваши обнимашки на обочине и поэтому ушла? Или ты сам догадался, что я в курсе вашего предательства, когда я исчезла?

– Саша... Прости, что тебе пришлось это увидеть. Водитель должен был сразу мне сказать, когда заметил, что ты не спишь и наблюдаешь за нами. И тогда я бы... всё объяснил или хотя бы попытался. А он сказал об этом уже после аварии. Я собирался с тобой поговорить, но не успел. Как-то не получалось, и я не знал, как о таком говорят, и... боялся тебя потерять. Я не планировал ничего такого, всё произошло случайно. Понимаешь...

Предсказуемые слова. Пустые. Отвратительные. На слове «понимаешь» я не выдерживаю.

– Нет, не понимаю и не хочу понимать. Это конец, Андрей.

– Нет, не конец. Это не то, что ты подумала, и я не собираюсь тебя отпускать. Мы вместе столько лет, и ты не можешь просто так взять и уйти от меня. Сейчас я подъеду, и мы нормально поговорим.

– Если ты приблизишься ко мне, я вызову полицию.

– Я твой муж...

«Объелся груш». Огромная пузатая булка, начинка из груши и лимона.

Как бы не забыть эту идею... Записать бы...

– Саша, ты меня слушаешь?

– Нет, Андрей.

Я и правда не слушаю, думаю о следующем десерте.

«Иди ты... в дыню». Фруктовый салат.

Внезапно Андрей раздражается грубыми ругательствами, что для него нехарактерно. Значит, действительно испугался.

– Так и будешь сидеть с мужененавистницей подругой вместо того, чтобы дать мне шанс извиниться?

– Я видела вас с Ирой в машине. Вы не нуждались в шансах от меня.

– Чёрт... Что ты собираешься делать дальше?! Я не дам тебе развод!

– И это всё, что ты хочешь сказать? А как насчёт того, чтобы поинтересоваться моим здоровьем после аварии?

Его голос немного смягчается.

– Прости. Да, конечно, я хочу знать, что с тобой случилось. Ты ездила в больницу?

– Завтра у меня встреча с адвокатом. Я бы советовала тебе тоже найти кого-нибудь.

– Я не дам тебе развод, чёрт возьми! Так не поступают, не отсекают людей после двадцатилетнего брака, как будто это пятиминутное знакомство. Ты не посмеешь так со мной поступить! Я ни о чём другом тебе не лгал, не допускал других промахов... Я люблю тебя, чёрт возьми!

Пульс ярости в моей голове оглушает.

Сбрасываю звонок, отдаю телефон Вите и ухожу в спальню.

11

Глядя на ситуацию в ретроспективе, могу с полной уверенностью сказать, что последовать совету Гали было одной из худших идей за последнее время.

Хотя, разумеется, в момент её уговоров всё выглядело не так уж и плохо. Задним умом, как известно, все крепки, но увы – мой задний ум опять не сработал заранее.

Утро выдаётся пасмурным не только за окном, но и внутри меня. После бессонной ночи, проведённой в бесполезных мысленных перебранках с Андреем, я сижу за кухонным столом, вяло ковыряя вилкой в давно остывшей яичнице. Галя вещает – ярко, категорично, с присущей ей театральной страстью и убедительностью.

– Если ты не начнёшь действовать прямо сейчас, Андрей тебя обставит как раз-два-три, вот увидишь! Даже не заметишь, как останешься без квартиры и бизнеса, да ещё и с клеймом «психически нестабильной». А ты этого хочешь?

Не отвечаю, потому что сказать нечего. Пару дней назад я бы только рассмеялась, услышав подобное. Но после случившегося и после вчерашнего разговора с Андреем – ледяного, отчуждённого, как будто мы не прожили вместе столько лет, – я не могу отделаться от ощущения, что под моими ногами пустота. Его голос был чужим, слова острыми, безжалостными, поэтому будущее теперь представляется в форме знака вопроса.

И, может быть, именно это ощущение – неизвестности, обманутости, разбитого доверия – становится последней каплей. Я позволяю Гале увлечь меня своей энергией, своим гневом и решимостью действовать. Поэтому мы отправляемся собирать доказательства неверности и бесстыдства моего мужа, чтобы потом предъявить их в суде.

Моё воинственное настроение на самом деле всего лишь маска. Оно вырастает не из уверенности, а из усталости, гнева и бессилия. Я иду за Галей не потому, что знаю, что делаю, а потому что временно, пока набираюсь сил, позволяю ей управлять ситуацией.

Разумеется, я ни за что на свете не сунулась бы домой, зная, что там муж. Я ещё не до такой степени потеряла инстинкт самосохранения. Однако, по словам Вити – нашего вездесущего и гиперинформированного кондитера, – Андрей с утра появился в пекарне, взъерошенный, с лицом, на котором читалась смесь ярости и похмелья, и теперь терроризирует персонал.

Это открывает передо мной окно возможностей.

Так что я, почти не сопротивляясь, позволяю Гале упаковать меня в такси и повезти на, как она выразилась, «тактическую разведку». Детективная миссия, ага. На деле же – мой личный сеанс унижения с элементами паники.

На самом деле смешного в этой ситуации нет ровным счётом ничего. Но если не сдобрить всё происходящее хотя бы шепоткой сарказма, то останется только безостановочно всхлипывать в голос – а это, как ни крути, не улучшит ситуацию. Поэтому я выбираю самоиронию. Хотя бы временно.

Вот так мы с Галей оказываемся на пороге дома, где мы с Андреем провели много, как мне казалось, счастливых лет. Наверное, даже хорошо, что все эти годы я не подозревала, что у нашего счастья имелся срок годности. Это позволило мне жить беспечно радостной жизнью.

Я бы никогда не подумала, что однажды буду пробираться в собственную квартиру тайком, как воровка. С трясущимися руками и дрожью в коленях. Но вот я у двери, ключ в руке, дыхание затаено, и всё это потому, что не готова. Категорически не готова копаться в его вещах в поисках доказательств его близости с другой женщиной.

И с ним самим я не готова видеться.

Либо наброшусь на него с криком и задушу голыми руками – метафорически или нет, – либо сломаюсь, начну рыдать и говорить что-то глупое про любовь, доверие и «как он мог». Ни один из этих вариантов меня не устраивает.

Мы заходим в квартиру.

Галя впереди – напряжённая, как перед битвой. Я плетусь за ней, почти не дыша, хотя сама же согласилась на эту вылазку.

В квартире тихо. Всё вокруг кажется чужим. Мебель, запах, тишина. Как будто я зашла не домой, а в тщательно скопированный макет моей жизни, где всё не так.

Сначала заходим в гостиную, которую Андрей использует как кабинет. На его письменном столе стопка книг, чашка, поставленная без подставки прямо на стол. Я машинально убираю её, потому что даже в момент этого ада меня раздражают разводы от кофе.

Мы с Галей дружно что-то ищем в письменном столе мужа. Я не уверена, что именно надо искать, да и мне настолько противно и тошно, что рябит в глазах. А вот Галя на сдаётся, решительно выдвигает ящики и копается в бумагах.

Потом говорит.

– Здесь ничего нет. Наверняка, он подчистил, гад. Надо проверить спальню, а потом комнату, где жила неблагодарная свинья.

Я могу только кивнуть, потому что слова застревают в горле.

Мы медленно подходим к двери нашей с мужем спальни. Неужели там могут быть улики его неверности?

Гулко стучит сердце, дыхание сдавило, но рука сама тянется к ручке.

Открываю дверь... и замираю.

Не приходится долго искать улики.

Ира.

Лежит в нашей постели, как в своей. Сонная, красивая, счастливая. На моей стороне кровати. Одна рука закинута за голову, другая покоится на половине постели, где обычно спит Андрей.

Это собственнический жест. Она показывает, что мой муж теперь принадлежит ей.

Большая часть её тела выставлена напоказ. В кружевном розовом белье.

Андрей терпеть не может розовый цвет...

А вот и очередное доказательство, что я совсем не знаю моего мужа. Оказывается, на некоторых женщинах его устраивает любой цвет.

А ещё оказывается, что у Андрея не осталось ни капли совести. Она незаметно испарилась за годы нашего брака, а я и не заметила. Он даже не постеснялся оставить любовницу в нашей квартире, не выгнал её. Мог хотя бы спрятать её в гостинице, подальше от меня.

Я была уверена, что он это сделает, потому что...

Чёрт возьми, вчера он сказал что любит меня!

Но нет, Ира здесь, во всей своей красе. Ждёт его в нашей постели.

Ира улыбается. Нет, *ухмыляется* – прямо мне в лицо. Как будто я не угроза, не сюрприз, а просто ожидаемая сцена в скучном сериале, финал которого она уже давно предсказала. Она наверняка слышала, как мы зашли и как рылись в кабинете. Догадалась, что это мы и ждала своего шанса покрасоваться.

– Привет, – говорит она лениво. – Чай поставите?

У Гали взрывается предохранитель. Я даже не успеваю понять, что она собирается делать, как она бросается вперёд на Иру с лицом, полным праведной ярости.

Еле успеваю схватить Галю за руку, разворачиваю и буквально вытаскиваю её из спальни. Она сопротивляется, дёргается, ругается – «пусти», «дам ей в морду» – но я не отпускаю.

В коридоре мы останавливаемся. Обе тяжело дышим. Я всё ещё держу её за локоть, как якорь.

– Зачем ты меня остановила? – шипит она. – Ты видела?! Она там! В *твоей* постели!

– Видела, – отвечаю я глухо. – И поэтому нам нужно выйти отсюда, пока я не разнесла всё к чёртовой матери. Или не расплакалась.

Если я позволю Ире увидеть мои эмоции, значит, она победила.

Нет уж!

12

Галя порывается вернуться в спальню, но я её удерживаю.

– Остынь! – велю ей, хотя и во мне тоже пульсирует ураган. В груди кипит ярость, в голове гремит барабанная дробь – но кто-то ведь должен остаться вменяемым.

– Я не хочу остывать! Хочу всыпать змее по первое число и скинуть её с балкона!

– Это никому не поможет. – Стараюсь говорить ровным, успокаивающим тоном. Хотя сама бы, честно говоря, тоже с радостью скинула Иру с балкона.

Это я должна дуреть от ярости, а Галя должна быть голосом разума.

Кто из нас кому помогает, спрашивается?!

– Это поможет! Я хотя бы сделаю фотки... прежде чем скинуть гадину с балкона.

– Обязательно сделаешь фотки, а она даже станет тебе позировать, я в этом уверена. Может, губки бантиком сложит. Это же, по сути, её выход в свет.

– Ах она поганая... – Галя снова рвётся в бой, но мне удаётся затолкать её в спальню в конце коридора. Собственно, туда я и направлялась, и уже сделала бы полдела, если бы не воинственная энергия подруги, взрывающаяся у меня под боком.

– Да, она поганая, – подтверждаю пассивно, без лишних эмоций. Ровно, устало. – Однако у нас с тобой много дел, поэтому соберись, пожалуйста, и прекрати истерить.

Галя наконец реагирует на мои успокаивающие мантры. Затихает, осматривается. Следит, как я хватаю охапку одежды и кидаю в раскрытый чемодан, и на её лице постепенно проступает догадка о том, что я планирую сделать: выкинуть змею прочь из моего дома.

– Ну ты красавя, Сашка! А я думала, ты сдулась, как фуфло...

– Нет, я не сдулась и не сдуюсь. Просто не всё решается дракой и не всегда надо кричать, чтобы быть услышанной.

Особенно если у тебя нет ни физических, ни моральных сил, чтобы закатывать бесполезную истерику. Бить посуду, швыряться телефонами, рыдать в голос – это не про меня.

На самом деле это к лучшему, что у меня нет сил.

Потому что уйти громко – это вовсе не значит кричать.

Самые яркие скандалы – тихие, хлёсткие и хорошо продуманные. Они не требуют воплей, истерик и драк.

Заразившись моей идеей, Галя срывает платье Иры с вешалок, осматривает их, потом вздыхает.

– Может, всё-таки в окно? – спрашивает умоляющим тоном.

– Нет. Я тебя знаю, ты умудришься попасть кому-нибудь в голову.

– Я аккуратненько! Клянусь! – клянчит.

– Ладно. Только одно платье. Вот это.

Выбираю дорогое, красивое – то самое, что когда-то подарила Ире с искренним и наивным пожеланием успеха. Она тогда долго ахала и восхищённо вздыхала, глядя на платье в витрине, и я решила сделать ей приятное. Пусть будет радость девочке, пусть чувствует, что её ценят.

Дура.

Галя, не теряя ни секунды, распахивает окно. На её лице торжество, взгляд горит. Она хватается за платье, будто трофей, и с победным кличем запускает его в воздух. Пару секунд оно парит в воздухе, бьёт шёлковыми крыльями подола, а потом падает вниз, как подбитая птица.

Эффектно. И символично.

Галя оборачивается и хищно смотрит на драгоценности Иры, лежащие на столике перед зеркалом. Быстро собираю их и кидаю в чемодан, чтобы подруга не добралась до них первой и не вышвырнула следом за платьем, попав кому-нибудь в голову.

Как раз в этот момент распахивается дверь, и на пороге спальни появляется кружевная розовая змея.

– Что вы делаете в моей комнате?! У вас нет права копаться в моих вещах! – Голос Иры звучит громко, возмущённо, но слишком театрально. Наигранно.

Она не злится, а играет. Значит, она настолько уверена в том, что Андрей встанет на её сторону, что даже *хочет* скандала. Провоцирует меня, чтобы было на что пожаловаться и выставить себя жертвой. Получить «заслуженную» и очень крупную компенсацию. Уж Ира-то закатит впечатляющую, эффектную истерику для Андрея... с раздеванием в процессе.

Я не собираюсь прощать мужа, но абсолютная уверенность его любовницы шокирует. Выбивает из равновесия.

Он уже давно выбрал её, а я это пропустила.

Это не измена, а замена.

Я жила рядом, не замечая, как меня заменили на другую женщину, как она стала важнее меня.

Это как удар в грудь. Очередной.

И, возможно, не последний.

Ира нажимает кнопку телефона и восклицает.

– Твоя выдра на меня напала! Их двое! Помоги мне! – Добавляет слёз в и без того жалобный голос.

Галя делает снимки один за другим, хотя это совершенно бессмысленно. Что они докажут и кому?

Как я и предвидела, Иру несколько не смущает фотосессия. Наоборот – она усмехается, чуть склоняет голову, разворачивается боком, будто ищет выгодный ракурс. Ни капли стыда, ни намёка на растерянность. Всё в ней – уверенность и холодный расчёт.

Подхватываю её под руку и выталкиваю за дверь, прямо на лестничную площадку. Следом летит чемодан.

– Выдра выкинула меня из дома! А-а-а! Мне больно! А-а-а! – Ира переходит к следующему акту своего спектакля. С надрывом и криками, с расчётом на сочувствие. С эффектными паузами. Возможно потому, что не замечает того, что Галя сменила фото на видео и снимает происходящее. При этом сама прячется за дверью.

Из телефона Иры доносится взбешённый крик Андрея.

– Александра! Не смей её трогать! Я сейчас буду!

Захлопнув дверь, оставляю великую драматическую актрису в розовом на лестнице и направляюсь в комнату мужа.

Галя следует за мной. По выражению её лица очевидно, что сейчас посыплется разнообразных предложений второго акта мести – залить вещи Андрея краской, порезать их на ленты, сжечь и прочее.

13

Методично, почти механически складываю вещи мужа в чемодан. Одежду пихаю в чёрные мешки для мусора. Символично, хотя я не собиралась вкладывать в выбор мешков какой-то особый смысл. Просто они лучше всего подходят по размеру.

Кажется, что я пакую не просто вещи, а нашу прошлую жизнь.

Ощущения странные, нереальные: я вычищаю, выгоняю из квартиры человека, которого совсем недавно называла любимым. Выметаю из пространства дыхание, запах, присутствие Андрея – и от этого кружится голова. Я снова погружаюсь в шок, хотя думала, что уже пережила острую стадию. Шок подкрадывается тихо, изнутри, как холод.

Галя рядом. Помогает, сжимая губы, ворчит себе под нос, что я слишком деликатничаю. Говорит, лучше бы всё это барахло вынести во двор, облить бензином и поджечь. «Вот тогда бы ты почувствовала, что отомстила». Но Галя не знает Андрея так, как знаю его я. Ему плевать на одежду. Он только плечами пожмёт, а у меня будут проблемы из-за «брачного костра» – и с соседями, и с законом.

Сложив всё, выгружаем мешки и чемоданы на лестницу. Они тяжёлые – не по весу, а по значению. Каждое движение даётся с усилием, будто выгружаем не тряпье, а остатки общего прошлого.

Ира всё ещё сидит на своём чемодане. Уперлась взглядом в телефон, будто то, что происходит вокруг, её совсем не касается. На экране – страничка в соцсети, обновляется лента. Однако на её лице гадкая ухмылка. Ира наблюдает за нами исподтишка, краем глаза.

Это всё игра, тщательно разыгранная сцена. Ира не выглядит ни расстроенной, ни растерянной. Даже не попыталась прикрыться – всё то же кружевное нижнее бельё, выставленное напоказ. Она готовится к появлению Андрея, хочет эффектнее выглядеть, когда станет ему жаловаться. Это не любовь, а расчёт. Тщеславие. Попытка сыграть униженную и оскорблённую, не испортив маникюр.

Вот-вот должен приехать слесарь, чтобы сменить замки. Я обратилась в срочную службу, и они пообещали справиться за час. Это удобно, учитывая всю ситуацию и моё состояние: чем быстрее всё завершится, тем меньше мне придётся стоять на пороге в болезненном ожидании. Но времени остаётся всё меньше, а Андрей, судя по всему, тоже вот-вот появится. И я не могу предугадать, как он поведёт себя – со мной, с Ирой... и со слесарем, которого я вызвала, чтобы муж не смог попасть в нашу квартиру.

И вообще я чувствую себя странно.

Вроде знаю, что поступаю правильно, – избавляюсь от мужчины, который предал, и выставляю за дверь не только его, но и его любовницу. Они это заслужили. Им не место там, где долгие годы горел наш семейный очаг. Очаг, в который они так хладнокровно плюнули.

Дом должен быть твоей крепостью, но сейчас он больше похож на ловушку, наполненную запахом предательства. Хочется выскочить отсюда, выскрести из себя всё, что напоминает о прошлом.

Противно до жути.

Сажусь на кровать, смотрю на развороченную спальню... и тут же подскакиваю, как обожжённая.

Мне кажется, что простыни до сих пор хранят тепло наших тел. И это лживое, подлое тепло словно обвивает меня своими мерзкими шупальцами. Смеётся над моей наивностью.

Я не смогу спать в этой кровати, даже если сменю бельё.

Ещё слишком рано.

А возможно, никогда не смогу.

Галя сочувственно хмыкает. Подходит ближе и обнимает меня, похлопывая по спине. Она, конечно, всё понимает без слов, ведь сама была в такой ситуации.

Кладу голову на её плечо. Закрываю глаза. Они болезненные, сухие, как будто обожжённые увиденным.

– Ты всё делаешь правильно, молодец, Сашуля. Скоро тебе станет легче, поверь. Пытаюсь поверить, но не получается.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.